

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ: ХРИСТИАНСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ОБРЕЧЕНО?*

Дж. Рассел

Мрачные утесы горной цепи Загрос на ирано-иракской границе, лежащие между ними пыльные холмы и равнины, а также город Мосул вряд ли можно назвать раем. Но жившие здесь в прошлые века христиане верили в то, что местная река Большой Заб когда-то текла из райского сада Адама и Евы. Жившие на ее берегах патриархи христианской Ассирийской церкви Востока когда-то начинали свои письма со следующего приветствия: «Из моей кельи у берегов реки Эдема».

Сегодня патриарх посылает свои письма из менее романтического места: Чикаго, бульвар Норт-Эшланд, дом 7201. Из-за многолетних гонений предстоятели этой древней, авторитетной, но малоизвестной церкви покинули берега Большого Заба. Среди них Мар Дынха IV, нынешний и 120-й патриарх Вавилона, рукоположенный в сан в Илинге на западе Лондона и живущий в США. А что касается Большого Заба, то этим летом он стал границей между курдскими войсками с южной стороны и «Исламским государством» (ИГ) с северной. Из райского сада Адама и Евы Ирак превратился в землю Каина и Авеля. Но даже столь мрачная новейшая история этой реки способна напомнить нам о том, что исполозовавший Ближний Восток шрамами религиозный конфликт отнюдь не неизбежен.

В 1987 году в Ираке было 1,4 миллиона христиан. С тех пор население страны удвоилось, однако христианская община уменьшилась до 400 тысяч человек. Многие из них сегодня стали беженцами из-за боевой группировки мусульман-суннитов ИГ, которая в августе 2014 года изгнала их из своих домов в попытке создать исламский халифат. Бывшие обитатели Мосула и его окрестнос-

тей из числа христиан сегодня являются беженцами, разместившимися неподалеку, в полуавтономном Курдистане. От летней жары и снега зимой их защищают только предоставленные ООН палатки, которые они установили во дворах местных церквей.

«Нам дали всего несколько часов, чтобы мы покинули Мосул, — рассказал мне прошлым летом на раскаленной от солнца улице курдской столицы Эрбиля один из беженцев. — Мы бежали в Каракош (христианский город к востоку от Мосула), но потом «Исламское государство» пришло и туда тоже, а поэтому нам пришлось покинуть Каракош».

Он вместе с другими мужчинами сидел у обочины дороги в тени забора. Так беженцы проводили все дни, потому что в палатках, где они спали, ночью едва хватало места, и днем они оставляли их в распоряжение женщин и детей. Не имея денег на сигареты, мужчины коротали время за разговорами, а затем в обеденное время шли в организованную при церкви столовую, где бесплатно раздавали еду. Помощи они почти ни от кого не получают, сказал этот беженец. Никто о них не заботится, а предназначенная для них помощь расходуется куда-то по дороге. «Раньше ничего подобного с нами не случилось», — печально заявил мужчина.

Вообще-то случалось. Христиане Ирака переживали времена и похуже. Их общину в Багдаде уничтожали монголы во время своего вторжения в 13-м веке, а в 1402 году разрушил среднеазиатский полководец и завоеватель Тамерлан. Он отдал приказ оставить в Багдаде целыми только больницы и мечети.

Пережившие нашествие Тамерлана бежали на север в горы Загрос, присоединившись к остальным христианам, обитавших на полоске земли вдоль северной границы Ирака и Сирии, и в южной части Турции. Там в 1915–1916 году они попали в жернова кро-

* Источник: <http://www.newstatesman.com/politics/2015/01/paradise-lost-christianity-doomed-middle-east>

вавой расправы, которую османские власти устроили армянам. Во время вынужденных пеших переходов были убиты, умерли от голода, холода и жары примерно 250 тысяч сирийских и иракских христиан. Остальные бежали в Иран, откуда их, в свою очередь, выслали в Ирак. Брошенные христианами дома до сих пор можно увидеть в сонных поселках на юге Турции.

В отличие от этих ужасов, ставших историей, «Исламское государство», несмотря на свои устремления, оказалось не в силах осуществить тотальные убийства и гонения на иракских христиан. Несмотря на начальные успехи, ИГ не сумел продвинуться вглубь Курдистана и реализовать свою тщеславную цель — захватить Багдад. Основная тяжесть этих зверств легла на плечи мусульман, а не христиан. Тем не менее, ИГ может добиться того, чего не смог сделать Тамерлан и османы: полностью истребить христианскую общину в Ираке.

Лишившись своей исторической родины в Мосуле и вокруг него, иракские христиане сегодня разделились, проживая в Багдаде и Курдистане. В Багдаде их примерно 100 тысяч, но иракское правительство само находится под властью религиозных шиитов. Один активист из числа езидов, пытавшийся призвать депутатов иракского парламента в Багдаде спасти его народ (езиды, сохранившие древние доисламские традиции, еще более уязвимы, чем христиане), рассказывал мне, как законодатели в ответ заявили, что езиды могут сами себя спасти, перейдя в ислам.

Власти Курдистана проявляют больше готовности и желания сохранить у себя христиан. Видимо, их лидер президент Масуд Барзани обсуждал предложение о строительстве новых христианских поселков внутри Курдистана, чтобы там разместились беженцы из Мосула. Но Курдистан не в состоянии предоставить работу всем беженцам, а из-за его нефтяной экономики и большого спроса на жилье стоимость жизни там гораздо выше, чем в Мосуле. Многие беженцы рассказывали мне, что «у 90%» христиан нет иного выхода, кроме эмиграции с Ближнего Востока.

Кто они, иракские христиане, и откуда они пришли? Как они оказались на грани исчезновения в собственной стране?

Ассирийская церковь Востока, которая сегодня разделилась на последователей Мара Дынхи IV и на тех, кто в качестве своего высшего духовного лидера признает папу римского, изначально была общиной христиан, живших в Персидской империи. Большинство из них имели кровные узы с сирийцами и говорили на одной из разновидностей арамейского языка, а писали сирийскими буквами. Их форма христианства развивалась таким образом, что они довольно сильно отличаются от своих западных единомышленников.

Стремясь к расширению и распространению своих верований, они смотрели не на запад в сторону Европы, а на восток, в сторону Индии и Китая. Они первыми познакомились с христианством китайцев и монголов. Монголы по сей день используют письменность на основе древнесирийского алфавита. Снохи Чингис-хана были христианки, и со временем у церкви Востока появился монгольский патриарх. К востоку от Багдада вплоть до Пекина возникла целая сеть монастырей и храмов. Одна епархия появилась в Тибете, а еще одна в городе Кашгаре на западе Китая, через который проходил Великий шелковый путь.

Многое из этого произошло тогда, когда патриарх церкви Востока жил под властью мусульман после арабских завоеваний в 630-х годах н. э. Мусульмане-арабы использовали багдадских христиан и последователей других доисламских религий в качестве толкователей греческих наук, а иногда в роли министров и советников. Патриарху было разрешено вести богословские дебаты с мусульманским халифом.

И тем не менее, впоследствии удача отвернулась от христиан на Ближнем Востоке. Наверное, это было неизбежно, поскольку их численность уменьшилась, а влияние ослабло, и в этих условиях хищнические государства начали их эксплуатировать. Все усугубилось из-за конфликтов между христианскими и мусульманскими государствами, в том числе, из-за крестовых походов. Но

это также совпало по времени с распадом арабского халифата и с усилением других народов, таких как турки и монголы. Они действовали с усердием неопитов, религию считали созидательной силой, которая узаконивает их власть, и не любили рационалистические тенденции, которые когда-то были популярны в Багдаде. В сотрясаемом конфликтами и управляемом чужеземцами арабском мире осталось мало интеллектуалов, способных противостоять популистскому и догматическому консерватизму.

Аналогичные изменения происходили в арабском мире во второй половине прошлого века. В 19-м столетии, когда Османская империя пришла в упадок, усилившийся национализм шел рука об руку с религиозной эмансипацией. Правители Египта, например, хотели развивать египетское национальное самосознание, приверженцами которого могли бы стать христиане, мусульмане и иудеи. В период с 1860 по 1930 годы в Египте было три премьер-министра христианина. Конечно, правил страной неизменно мусульманин, потому что Египет был монархией, но давайте не будем забывать, что в Британии до сих пор не было ни одного премьер-министра католика, а Испания лишь в 1968 году отменила закон от 1492 года об изгнании евреев. Поэтому некоторые страны мусульманского в основном Ближнего Востока шли к религиозному равенству быстрее, чем Европа.

Когда в арабском мире получил распространение национализм, христиане там стали занимать важные должности. Один из них, Мишель Афлак (Michel Aflaq), стал основателем партии «Баас», которая правила в Ираке и до сих пор правит в части Сирии. Христиане возглавляли два националистических движения в Палестине, а некоторые из них были на важных ролях в курдском национальном движении. Среди них были и видные коммунисты, привлеченные идеологией, которая гарантировала равенство религиозным меньшинствам. Еще в конце 2003 года заместителем премьер-министра Ирака был христианин Тарик Азиз (Tariq Aziz). (Сейчас он в тюрьме, в ужасных условиях.) Это ни в коем случае не является по-

пыткой поддержать вышеупомянутые силы и движения, что было бы жестоко по отношению к тем, кто выступал против них. Но по крайней мере, это были движения, открытые для любого, кто желал в них вступить.

В отличие от них, на протяжении нескольких десятилетий самые популярные народные движения на Ближнем Востоке являются религиозными. В результате революции в Иране в 1979 году к власти пришли исламские фанатики. То же самое произошло в результате послевоенных выборов в Ираке в 2005 году и на президентских выборах в Египте в 2012-м. Усилилась и религиозность людей. В 1950-е годы в ежегодной траурной процессии во время праздника Ашура в иракской Кербеле участвовало так мало народа, что один высокопоставленный религиозный деятель посчитал необходимым создать движение для возрождения религиозных настроений. В 2014 году на празднике присутствовали два миллиона человек. Между тем, клерикальное политическое движение, получившее название Партия исламского призыва, стало правящим в Ираке и сформировало правительство.

Почему именно религиозный праздник? Когда я работал дипломатом в арабском мире, я часто вел дебаты на эту тему со своими арабскими знакомыми, в подавляющем большинстве верующими мусульманами, которые, тем не менее, были против усиления исламского фундаментализма. В чем причина: бедность, дефицит демократии или провалы законовластия? Нет, причина не в этом: ведь процесс возрождения идет и среди мусульман на Западе, а также в довольно демократических и благополучных странах, таких как Турция, и в авторитарных. (На самом деле, беднейшие мусульмане, живущие, например, в отдаленных районах Афганистана, настроены на менее радикально.)

А может, это из-за несправедливостей времен колониализма, которые вызывают, как иногда говорят, «недовольство и обиды мусульман»? В определенной степени это так, однако раньше эти недовольства и обиды носили этнический, классовый характер, но не религиозный. И зачастую среди

жертв этих колониальных несправедливостей были не только мусульмане, но и христиане, прежде всего, в Палестине. А может, это конфликт между суннитами и шиитами усилил религиозные чувства людей? Да, но в таком случае возникает другой вопрос: почему вообще возник конфликт на религиозной основе?

Есть более фундаментальные причины. Их пять. Первая — деньги. Раньше их давал левым движениям Советский Союз. Сейчас их в больших количествах предоставляет шиитам Иран, а страны Персидского залива снабжают ими тех, кто враждебно относится к Ирану — в первую очередь суннитские исламисты. Вторая причина — победа Израиля над националистическими государствами в 1967 году и последующие неудачи светских властей и движений, которые не сумели привлечь к себе общество и добиться его преданности. По данным последнего опроса Института Гэллага, в Египте религиозные организации (христианские или мусульманские) пользуются уважением 92% населения, опережая любой другой институт. Третья причина — попустительство западных стран и Израиля (да, это так) возникновению и усилению исламистских движений в 1970-е годы, когда их считали безопасной альтернативой националистам и коммунистам. В-четвертых, слабость системы образования во многих арабских странах, где заикленность на зубрежке помогает усилению догматического буквализма, и где студенты мало знают о других культурах и религиях, так как все их внимание сосредоточено на исламе.

Пятая причина пожалуй самая важная. Ливанский писатель Амин Маалуф (Amin Maalouf) писал о «страстной религиозности городского мигранта», который видит в религии средство защиты себя и своей семьи от искушений городской жизни. Усиление религиозности в мусульманском мире совпало с массовой миграцией в города. Оно также совпало с глобализацией, которая подбивает исконную арабскую культуру, в связи с чем религия становится единственным четким критерием самовосприятия и источником национальной гордости. Пожалуй,

нам не стоит удивляться тому, что многие из сторонников «Исламского государства» ранее казались людьми глубоко западными. Наверное, именно по этой причине они испытывают острую потребность снова ощутить себя людьми особенными и отличными от других.

Хотя усиление религиозной исключительности и насилия во многом стало причиной миграции христиан, процесс идет и по более прозаическим причинам. Например, по экономическим. Резкое сокращение христианской общины в Ираке началось не в ходе вспыхнувшей в 2003 году войны и не с усилением исламистских партий в 2005-м. И даже не в результате массовых расправ 2014 года. Оно началось в результате санкций, введенных против Ирака после вторжения Саддама Хусейна в Кувейт в 1990 году, из-за чего христиане из среднего класса, ранее подвергавшиеся преследованиям, начали искать убежища в США, где у многих были родственники.

В арабском мире до сих пор проживают более 10 миллионов немусульман, и подавляющее большинство среди них — христиане. И даже если в следующие полвека почти все они уедут оттуда, они все равно сохранятся в диаспоре как минимум на несколько поколений, даже лишившись в западных странах своих древних святынь и монастырей. Сотни тысяч иракских христиан живут сегодня в обширных предместьях Детройта в США. Они изо всех сил пытаются сохранить свои корни и наследие — заключая между собой браки и даже обучая арамейскому языку детей и внуков.

Ближний Восток серьезно обеднел из-за их отсутствия. Когда христианам не удалось силой удержать власть в Ливане, они начали превращаться во все более нейтральную в политическом плане группу. Их присутствие часто является фактором либерализации. Дело в том, что на них не распространяются законы шариата, а поэтому государства не могут навязывать исламские законы всем своим гражданам (конечно, по этой причине они подвергаются нападкам со стороны экстремистов). Без христиан Ближний Восток станет еще менее либеральным и более

одноцветным. И он рискует оказаться более изолированным.

Ближний Восток также утратит часть своего наследия и истории, которые являются общими для всех его обитателей, как мусульман, так и христиан. Дело в том, что христианские общины сохраняют часть наследия своих стран: арамейский язык в Ираке, древние коптские гимны в Египте. Их многообразие (у христиан огромное количество сект) является отражением истории региона, ибо каждая секта ведет свое начало от политических событий той или иной эпохи. В христианских школах Ближнего Востока, которые открыты для мусульман, получили образование многие поколения арабов.

Есть и другие доводы в пользу сохранения христиан и прочих немусульманских меньшинств. Своей преемственностью и самим существованием на Ближнем Востоке эти общины напоминают нам, что исламский мир не всегда был полем кровавых трагедий, которые мы наблюдаем сегодня. Да, там на протяжении веков было немало насилия, но мир укрепляло его собственное многообразие и сосуществование различных религий. Наибольших успехов и процветания исламский мир добивался тогда, когда считал такое многообразие преимуществом, а не недостатком. Мы все проиграем, если забудем этот урок.